

ОТЗЫВ

официального оппонента

доктора филологических наук Пинаева Сергея Михайловича
о диссертации Нижник Анны Валерьевны
«Русский модернизм 1920-30-х годов (Г. Газданов, В. Набоков, О.
Мандельштам): рецепция художественных открытий М. Пруста»,
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература –
в диссертационном совете Д.501.001.32
при Московском государственном университете имени М.В.
Ломоносова

Период 1920-х – 1930-х гг. в истории русской литературы отмечен существенными изменениями общей картины литературного процесса: параллельно развиваются советская и эмигрантская ветви прежде единой словесности, а их отношения с классической традицией становятся для большинства писателей предметом активной критической рефлексии. В этой ситуации обостряется и проблема восприятия зарубежных литературных веяний. Младшее поколение писателей первой волны эмиграции пытается вписать себя в общеевропейский контекст современной литературы, а поколение русских «внутренних эмигрантов», оставшихся в Советском Союзе, апеллирует к западно-европейской художественной традиции, чтобы попытаться сохранить ощущение преемственности разных эпох мировой культуры.

В исследовании А.В. Нижник рассмотрены обе эти тенденции. Анализируя творческие поиски молодых писателей эмиграции, близких к кругу журнала «Числа», в частности Ю. Фельзена, автор диссертации показывает, как художественное наследие и сама личность Марселя Пруста повлияли на формирование их эстетической позиции. Фигура Пруста была серьезным «эстетическим раздражителем» и для таких ярких прозаиков эмиграции, как В. Набоков и Г. Газданов. С другой стороны, Пруст публиковался в Советской России и опосредованно влиял на самосознание писателей, генетически связанных с Серебряным веком русской литературы, прежде всего на «внутренних эмигрантов», из которых наибольшей типологической близостью к Прусту отличается О.Мандельштам.

Сама проблема влияния Пруста на русскую литературу XX века не нова: о переключках с его творчеством написано немало работ, посвященных прежде всего таким писателям, как И.Бунин и В.Набоков. Однако системного анализа «прустианской» линии в русской литературе до сих пор не было

проведено. Диссертация А.В. Нижник восполняет эту историко-литературную лауну.

Заслуживает поддержки теоретическая перспектива, избранная автором работы. Отталкиваясь от классической модернистской формулы «соответствий» между разными гранями эстетического опыта, заявленной еще Ш. Бодлером, А.В. Нижник обращается в анализе конкретных произведений к сфере изображения музыкальных, живописных и архитектурных образов, активно разрабатывавшейся Прустом и – вслед за ним – русскими модернистами 1920-х – 1930-х гг. Правда, попутно возникает вопрос о том, насколько корректно называть отсылки к произведениям других видов искусства «синтезом искусств». Тем не менее, сам подход исследовательницы кажется достойным внимания.

Избранный научный алгоритм позволил А.В. Нижник вычлнить в прозаическом наследии Пруста отдельные тематические блоки, которые, как показывает автор диссертации, во многом совпадали с мотивно-тематическими приоритетами русских авторов. Кроме того, удалось проследить ряд стилистических параллелей между произведениями Пруста и русских писателей, обращавшихся вслед за ним к образности синтетического типа, совмещавшей реакции разных органов чувств: слуха, зрения, обоняния, вкусовых ощущений, осязания.

Все эти тенденции проанализированы с учетом специфики как русского, так и французского литературного процесса начала XX века и подкреплены соответствующими ссылками на литературную критику эпохи. Таким образом, в работе совмещаются теоретические обобщения о некоторых гранях модернизма как художественной системы и анализ русско-французских литературных связей, позволяющий вписать русских авторов в мировой литературный процесс. Этим обусловлена теоретическая значимость и методологическая перспективность работы.

Научная новизна работы А.В. Нижник заключается в том, что для анализа общих тенденций русского модернизма выбран компаративный подход, который позволяет подчеркнуть сходства и различия художественных методов разных авторов. Разнородные темы и приемы оказываются объединёнными в новом эстетическом синтезе и «генетически» (они являются следствием заинтересованного внимания к наследию Пруста), и вследствие общей творческой интенции – стремления русских авторов обрести новый художественный язык для выражения экзистенциального сознания; они считываются в рамках общей тенденции на расширение выразительных возможностей художественной прозы.

Актуальность диссертации связана с тем, что в ней впервые предпринята попытка обобщения обширного материала, связанного с усвоением и творческой переработкой русскими авторами тех граней поэтики Пруста, которые воспринимались как новаторские, способствующие радикальному обновлению «художественного зрения».

В работе А.В. Нижник есть немало заслуживающих поддержки общих и частных положений. Так, первая глава диссертации посвящена общим историко-литературным предпосылкам к изучению выбранной темы и теоретической рефлексии по поводу содержательного наполнения термина «модернизм». Модернизм определяется как общеевропейская тенденция, связанная с осмыслением стремительной смены эстетических ориентиров в эпоху исторических потрясений. Чрезвычайно важным для нового поколения художников стал поиск новых форм темпоральности, укорененных в глубинах личности: «внутреннее» время, обретаемое русскими героями вслед за персонажами Пруста, позволяет им противостоять хаосу и разрушительному давлению времени исторического. Как показано в работе, романский цикл М. Пруста «В поисках утраченного времени» был ценен для русских модернистов прежде всего тем, что предлагал новую модель «укорененности» человека – не в истории и не в материальной среде, а в сфере «чистой длительности», регулировавшейся субъективным узором персонально значимых эстетических реакций.

Благодаря этому главный герой романного цикла «В поисках утраченного времени» воспринимался читателями как одна из множества «масок» самого автора. Это наблюдение позволяет А.В. Нижник выделить биографический миф о М. Прусте, который, по ее мнению, был востребован русскими писателями прежде всего потому, что попадал в резонанс с популярной в Серебряном веке концепцией «жизнетворчества». Биографический аспект литературного мифа о фигуре М. Пруста был особенно важен для русских эмигрантов, лишенных «почвы» для творчества и искавших ее в субъектности художника.

Обзор критических откликов на творчество М. Пруста в советской и эмигрантской прессе позволяет сделать выводы о характерной «методологической дистрибуции» в восприятии французского писателя: так, для Воронского и советских переводчиков Пруст был мастером стиля, для Луначарского и Горького – носителем буржуазной идеологии, а для «младоземigrants» – своего рода «героем безвременья», писателем, сумевшим обратить «опыт страдания» в источник стилистических удач.

Вторая глава работы посвящена влиянию Пруста на авторов русской эмиграции – в первую очередь тех, кто был близок к журналу «Числа». Этот

аспект работы, хотя и не является принципиально новаторским (так, сходная попытка анализа была уже предпринята в работе Л. Ливака «How it was done in Paris» («Как это делалось в Париже»)), представляет интерес как дополнение к общей картине русского «прустианства». Отдельное внимание в работе уделяется анкете первого номера «Чисел», в которой респондентам задавался вопрос об их отношении к творчеству Пруста. Анализируя отклики И. Шмелева, Г. Иванова и В. Набокова (В. Сирина), А.В. Нижник показывает, как они отражали общие настроения и личные амбиции каждого из принявших участие в опросе. К сожалению, эта часть работы не доведена до конца: например, отзыв И. Шмелева, на первый взгляд негативный, намекает на универсальность языка психологического анализа, идущего от традиции Л. Толстого.

Сравнительно новый для исследователей историко-литературный материал вводится в оборот в разделе работы, посвященном творчеству Ю. Фельзена (почему-то не вынесенного в заглавие диссертации) – одного из самых «преданных прустянцев», считавшего Пруста своим литературным учителем. Однако тезис о том, что именно Пруст определил творческую индивидуальность Фельзена, кажется излишне форсированным: как известно, в числе иных своих «кумиров» Фельзен называл Толстого и Лермонтова, а поэтому «иерархия влияний» (русских и зарубежных) в творчестве Фельзена требует более детального анализа.

Третья глава работы посвящена творчеству Г. Газданова. Несмотря на неоднозначное освещение «вопроса о Прусте» исследователями и современниками Газданова, А.В. Нижник приходит к выводу, что Газданов сознательно ориентировался на новейшие тенденции французской прозы, что отразилось в его внимании к синтаксису французской речи, использовании специфически «прустовских» приемов психологического анализа и скрытом цитировании некоторых наиболее известных эпизодов романного цикла Пруста. Хотя, заметим в скобках, сам по себе интерес к французской литературе и превосходное знание французского языка далеко не всегда являются принципиальным поводом (а в диссертации на этом нередко делается упор) для сближения русских писателей (в частности, Газданова, Набокова, да и Мандельштама) именно с Прустом. Из интересных наблюдений, сделанных автором работы, стоит выделить замечания о функциях синего цвета в романе «Вечер у Клэр», который претендует на статус одного из важнейших лейтмотивов повествования.

Аналогичным образом А.В. Нижник выделяет лейтмотивы «французского языка» и «французскости» в целом как крайне важные для повествователя маркеры взаимодействия «своего» и «чужого» (сама эта

проблематика регулярно разворачивается в романной прозе Газданова). Кроме того, в рамках модернистской тенденции к изображению разных видов искусства освещается интерес Газданова к образам акустического опыта, сходный с интересом Пруста к «музыкальному» построению микро- и макроэлементов художественного мира.

Четвертая глава диссертации посвящена рецепции художественного опыта Пруста в творчестве В. Набокова. Термин Г. Блума «страх влияния» применяется по отношению к рецепции М. Пруста В. Набоковым: как показано в работе, Набоков переходит от кокетливого отрицания всех и всяческих влияний к сознательной литературной игре с прустовским стилем, которая подчеркивала его собственное художественное мастерство. Особое внимание уделяется языковому самоопределению Набокова, колебавшегося в выборе между французским и английским языком и подчеркивавшего эту двойственность в своих интервью. Кроме того, освещаются различные отзывы Набокова на творчество французского автора, в том числе в лекции о Прусте. Влияние прустовских стилевых и повествовательных приемов рассмотрено на материале романа «Камера обскура», рассказов из цикла «Весна в Фиальте» и автобиографическом романе «Другие берега».

Пятая глава диссертации затрагивает наименее исследованную грань общей темы: речь идет о соотношении творческих манер М. Пруста и О. Мандельштама. Первое знакомство Мандельштама с творчеством французского модерниста состоялось, когда русский поэт уже выработал индивидуальный стиль, однако некоторые из прустовских образов были перенесены в его позднюю прозу. Конкретные примеры тематических переключек с Прустом можно обнаружить, по мнению диссертанта, в «Путешествии в Армению». Говоря о творчестве Мандельштама, А.В. Нижник делает акцент главным образом на типологическом сходстве между его прозой, в частности, «Египетской маркой» (которую, правда, едва ли можно назвать «романом», с. 168) и произведениями Пруста (прокомментированы субъектная организация текста, аналогии между художественной прозой и живописью, а также, конечно, архитектурой, отмечается общее для обоих авторов увлечение французским импрессионизмом).

В целом диссертацию А.В. Нижник можно считать самостоятельным исследованием, вносящим новый вклад в разработку сложного историко-литературного материала. Ей удалось выявить содержательные и формальные особенности «литературного родства» между прозой М. Пруста и текстами русских авторов. Тем не менее, укажем на те аспекты работы, которые могли бы быть проработаны более тщательно. Так, например,

остается в тени позднее творчество Газданова и Набокова. Концентрация внимания на рецепции именно Пруста заставляет исследователя толковать многие особенности поэтики двух этих авторов как «западные», однако подобная перспектива может затмевать сложную генеалогию русской литературной традиции.

Стоило бы обратить внимание на творческие переключки между «синтетическим романом» Пруста и «симфониями» А.Белого. Немалый интерес в этом плане вызывает творчество Ф. Сологуба и особенно М. Волошина, в творчестве которого (если воспользоваться аргументом самой А. В. Нижник) так же «угадываются столь любимые Прустом приёмы синестезии, его особенное внимание к проблемам зрения и видения» (с. 41). Впрочем, в этих случаях был бы неуместен термин «рецепция» применительно к литературе русского модернизма.

Тему «советского Пруста» также стоило бы расширить: соответствующие мотивы можно обнаружить не только у Мандельштама (кстати, вероятно, есть смысл обратиться и к его поэзии), но и у Л. Пастернака, и у Ю. Олеси (цитировавшего Пруста, например, в №12 журнала «Литературный критик» за 1935 год и свободно владевшего французским языком).

Сделанные замечания не влияют, однако, на итоговую оценку диссертационного сочинения. Практическое значение работы состоит в том, что она может быть использована как солидный источник для лекционных курсов и семинаров по специальности «Сравнительное литературоведение», а также для изучения русского модернизма в рамках спецкурсов и спецсеминаров.

Автореферат и публикации автора по теме исследования соответствуют содержанию диссертации.

Диссертация удовлетворяет п. 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней» и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний. Автор работы, А.В. Нижник, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

28 ноября 2016 года

Профессор ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
доктор филологических наук
С.М. Пинаев

Подпись профессора С.М. Пинаева заверяю

Учёный секретарь Ученого Совета РУДН
профессор В.М. Савчин

Адрес ВУЗа: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2.
Телефон/факс: (499) 936-8520 Сайт факультета: fgsn.Dek@pfur.ru

Сведения об оппоненте:

Пинаев Сергей Михайлович

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2.

Тел: 8 (495) 690-43-76

e-mail: serpinaev@mail.ru

Список основных публикаций оппонента по теме диссертации:

«Закрыт нам путь проверенных орбит...»: М. Волошин, Н. Гумилёв, О. Мандельштам. Возвращение поэзии. / Сост., вступ. ст, примеч. С.М. Пинаева – М.:УДН, 1990. – 384 с.

«Россия делится на сны...»: Г. Иванов, В. Набоков, И. Елагин. / Сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. С.М. Пинаева. – М.: Азбуковник, 2000. – 630 с.

Близкий всем, всему чужой... Максимилиан Волошин в историко-культурном контексте Серебряного века. – М.: РУДН, 2009. – 343 с.

С.М. Пинаев. «...И слово стало плотью...» Избранные работы. Поэзия. Драматургия. Малая проза. Духовный роман. – М.: РУДН, 2013. – 736 с.

С.М. Пинаев. Поэт ритма вечности. Пути земные и духовные возношения Максимилиана Волошина. – М.: Азбуковник, 2015. – 800 с.